

ПИСЬМО С ФРОНТА

Леонид АВКСЕНТЬЕВ
г. Петрозаводск

Рассказ

Дверь распахнулась, и в клубах морозного пара появился Константин Михайлович.

— Уф! Ну и народу сегодня в гастрономе! Из трёх касс только одна работает. Чуть на передачу не опоздал. Ну, ничего, кефирчику вот взял, и творожок сегодня свежий, — говорил он, вынимая из сумки продукты. Затем, опасливо оглянувшись на супругу, быстро достал из сумки бутылку пива и незаметно опустил её за сервант. — А морозец-то, Лида, жмёт к ночи.

— Костя, чего ты там копаешься? Скорее раздевайся и проходи. Андрюша уже в эфире, — торопила Лидия Борисовна, расставляя чашки.

Константин Михайлович, потирая озябшие ладони, прошёл к столу. На экране их телеви-

зора начиналась любимая передача с обожаемым Андреем Малаховым. Пожилые супруги любили эту программу за песни их молодости, интересные, порой непростые судьбы участников. На привычно сервированном столе в красивой голубой тарелке уютно возвышалась горка аппетитных горячих олашек. Негромко пел самовар, а рядом на таком же красивом блюде разместился солидный кусок торта, украшенного клубникой. Тут же примостилась небольшая бутылочка коньяку.

— Ого! Что у нас сегодня за праздник?

— Понимаешь, Тася прибежала. Вот, говорит, вам, тётя Лида, тортик к чаю, сама пекла, и коньячок — дяде Косте. Сегодня, говорит, Серёжу у Малахова в программе покажут. Я ей

предлагаю: оставайтесь у нас, посмотрим вместе. Нет, отвечает, подруги пришли с работы, хотят со мной посмотреть, не обижайтесь, тётя Лида.

— Зачем мне торт? — вздохнул Константин Михайлович. — Я ж не любитель сладкого.

— А я не любительница коньяка, вот Тася и уважила нас, каждому — своё, — улынулась Лидия Борисовна. — Смотри, вон Серёжка сидит. Красивый какой — в форме с наградами!

— Да, красавец, а как вымахал!

— Костя, ты только посмотри, кто рядом с Серёжкой! Узнаёшь?

— Конечно, это артист известный. Забыл фамилию.

— Эх ты, это Александр Михайлов. Помнишь, играл Васю в «Любовь и голуби»?

— Да, вспомнил. Ну, Серёга даёт! С самим Михайловым сидит — хоть бы что!

Пока супруга разливала по чашкам крепкий ароматный чай, Константин Михайлович, водрузив на нос очки, принялся вдумчиво изучать коньячную этикетку. Тем временем на сцене телестудии появился молодой человек и начал старательно выводить: «Там, где клён шумит...»

— Помнишь, ты меня тогда первый раз пригласил на танец под эту песню?

— Помню, конечно. Какие душевные были у нас тогда песни, — мечтательно вздохнул муж, доставая две рюмки из старенького серванта.

— Я не буду, — категорически заявила Лидия Борисовна.

— Дело твоё, — не возражал муж и вернул одну рюмку на место.

— Смотри, опять Серёжу показывают. Орёл, молодец парень!

С экрана звучали полузабытые песни их молодости. Но супруги с нетерпением ждали, когда же дадут слово Сергею.

— Наш Олежка тоже мог стать таким, — печально вздохнула Лидия Борисовна.

— Бери выше, он бы уже полковничьи, а то, глядишь, и генеральские погоны носил...

Наконец Малахов пригласил на сцену Сергея. Зал взорвался аплодисментами. Молодой человек, задумчиво перебирая струны гитары, сказал: «Сегодня хочу спеть для вас, можно

сказать, гимн российского десанта. Песня называется «Синева». — Лицо его сделалось серьёзным, казалось, он заглянул прямо в глаза пожилым супругам. Константин Михайлович тихонько подпевал парню. Когда-то давно он распевал эту песню вместе с сыном, оказалось, что за давностью лет слова не забылись. Песня кончилась, отзвенел последний гитарный аккорд. Шквал аплодисментов обрушился на офицера. Константин Михайлович молча выпил и произнёс: «Спасибо, Сергей».

— Сергей, — обратился к офицеру Малахов, — как вы стали военным и за что получили боевой орден?

— Стать военным мне пришлось из чувства долга, но я нисколько не жалею об этом, — глубоко вздохнув, ответил Сергей. — В моём родном городке есть речка с быстрым течением. Середина её не замерзает даже в лютые морозы, хотя у берегов лёд бывает достаточно крепким. Мне тогда было девять лет. Однажды утром мы с ребятами вышли на реку и решили поиграть в хоккей. Постучали палками по льду, он показался нам крепким. Кто-то раздобыл пустую консервную банку, и мы начали её гонять вблизи берега. Но вот она заскользила к середине реки, я, забыв осторожность, кинулся за ней. Догнал, подцепил палкой и повернул к берегу... Даже не успел понять, как очутился в воде. Как мог, старался выбраться на лёд, но он крошился под моими руками. Течение реки потянуло сначала мои ноги, а потом и меня самого под лёд. Плавать я умел, но намокшая одежда и валенки мешали. Я уже начал захлёбываться, как вдруг почувствовал: кто-то потянул меня за капюшон. Сильные руки буквально выдернули меня на поверхность. Я закашлялся, но, ощутив мощный толчок, покатишься по льду в сторону берега. Я слышал, как на берегу что-то кричали люди. Меня душил яростный кашель. Оглянувшись на полынью, я увидел рукав шинели и руку, вцепившуюся в край ледяного покрова... Потом эта рука исчезла под водой вместе с ледяным обломком, а по течению, кружась и покачиваясь, уплывала военная шапка с кокардой. Как оказалось, ценой своей жизни меня спас молодой лейтенант — десантник Олег Сынаев, — продол-

жал Сергей. — Он приехал к родителям в свой первый отпуск. Этот страшный случай потряс мою детскую душу. До конца своих дней я буду помнить, кому обязан жизнью. Окончив школу, дал себе слово продолжить дело Олега и поступил в Рязанское высшее десантное училище. Именно там учился мой спаситель. Я и моя мама, как можем, стараемся помогать родителям Олега. Это простые честные труженики. Сейчас они уже на заслуженном отдыхе. Константин Михайлович много лет проработал водителем на скорой помощи. Лидия Борисовна продолжительное время возглавляла почтовое отделение связи. Несмотря на своё страшное горе, они всегда относились ко мне по-доброму. Пользуясь случаем, хочу передать им огромный привет. Дядя Костя, тётя Лида, я люблю вас и ценю всё, что вы для меня сделали. Низкий вам поклон, дорогие мои. Передаю привет и моей мамочке. Мамуля, у меня всё хорошо, ты не волнуйся.

И снова студия взорвалась аплодисментами. У многих гостей на глазах блестели слёзы. Молча плакали и супруги Сынаевы. Константин Михайлович наполнил свою рюмку. Он хотел было что-то сказать, но лишь потряс головой и молча выпил.

Малахов, глаза которого так же подозрительно блестели, вновь обратился к Сергею:

— А за что вы были награждены орденом?

— Это длинная история, Андрей. Если коротко, то я со своей разведгруппой выполнял задание в тылу врага. Засекли в лесопосадке тщательно замаскированную бронетехнику противника. Но, когда решили возвращаться назад, нас обнаружили. Завязалась перестрелка. Противник попытался нас окружить и открыл ураганный огонь. У нас появились раненные. Я тоже был ранен в обе ноги. Положение становилось критическим. Тогда я приказал своим бойцам уходить и уносить раненных. А сам с пулемётом остался прикрывать их отход. Ребята успели уйти, прежде чем кольцо противника сомкнулось. Противник хотел взять меня живым. Но я заранее присмотрел для себя укрытие в полуразрушенном складе. Прежде чем спрятаться, успел вызвать на себя огонь наших «градов» и залечь за массивной бетонной

плитой. Однако враги заметили меня и, подходя ближе, смеясь, кричали: «Москаль, выходи, тебе повезло: для тебя и война, и жизнь кончились!» Я решил, что живым не сдамся, подтянул пулемёт и приготовил гранату. Но тут ударили наши «грады». Врагам стало уже не до меня. Земля дрожала, горела вражеская техника. Неподальёку разорвался снаряд, моё укрытие обрушилось, я потерял сознание. Наши выбили противника из лесопосадки. Меня уже считали погибшим...

— Скажите, наверное, было страшно в минуты обстрела? — спросил Малахов.

— Честно говоря, я даже не успел испугаться. Обстрел начался очень быстро. Хотя, наверное, было страшно, может, я просто уже не помню. Была уверенность, что свои снаряды меня не тронут.

— Но ведь вас же завалило рухнувшими обломками здания...

— В конечном итоге, это и спасло меня, ведь мои солдаты знали, где я мог находиться, и быстро откопали меня. А потом всё просто: госпиталь, ряд операций и снова фронт.

— Но вам же после госпиталя полагался отпуск, вы могли съездить домой, — настаивал потрясённый Малахов.

— Я не мог поехать в отпуск, ведь я воюю ещё и за Олега Сынаева.

И снова зал взорвался аплодисментами. А Константин Михайлович налил себе ещё рюмку.

— Налей-ка и мне, пожалуй, — попросила негромко Лидия Борисовна.

— Больше нету, Лида, — показал он пустую бутылочку.

Тогда Лидия Борисовна перехватила наполненную рюмку мужа и решительно выпила. Супруг грустным взглядом проводил не доставшийся ему коньяк, печально вздохнул и придвинул к себе чашку чая. Потом вздохнул ещё раз и отрезал себе солидный кусок торта. Если бы студия могла видеть эту немую сцену, она бы вновь взорвалась аплодисментами.

А на сцене появились две сестры из уральской деревни. И хотя были они уже в возрасте, но голоса их звучали удивительно свежо и молодо. Они исполнили песню о России. Этой

песни супруги Сынаевы раньше не слышали. Сёстры пели очень хорошо. Но Лидию Борисовну и Константина Михайловича больше заинтересовал их рассказ о своей жизни. Эти женщины — прекрасные рукодельницы. Они вяжут для наших бойцов тёплые носки и перчатки. Связали их огромное количество.

— Лида, а ведь ты тоже умеешь вязать. Помнишь, как Олегу нравились твои свитера?

— Куда мне с моими артритными пальцами... А раньше — да, очень любила вязать.

— Я забыл тебе сказать: у нас в заводском клубе желающие вяжут маскировочные сети для армии. Даже отец Александр тоже ходит туда и вяжет. Я вчера встретил его в аптеке, так он мне про это рассказал. Может, и нам с тобой заняться полезным делом?

— А что, попробовать можно. Сети, пожалуй, я бы смогла.

— Отец Александр говорит, что это очень просто. В ячеи сети требуется вплетать по специальной схеме ленту. Приходите, говорит, работы на всех хватит. А ещё он сказал, что на днях в Донбасс отправляется машина с посылками для наших бойцов. Давай-ка подключимся и мы, дело хорошее.

— Костя, а что нам посылать?

— Там всё пригодится. Вот мне на юбилей аж три фонарика подарили. Два можно отослать, купим батарейки. Можно и сигареты ребятам отправить, консервы. Завтра схожу в клуб и всё узнаю.

— Я тоже пойду с тобой, посмотрю, что там за сети такие, — оживилась Лидия Борисовна.

Меж тем передача подходила к концу. На сцену вышел Александр Михайлов. Малахов обратился к известному артисту:

— Как вам сегодняшняя программа, Александр?

— Я потрясён! России быть, пока у неё есть такие таланты, пока есть такие защитники! — и Михайлов, подойдя к Сергею, крепко пожал ему руку. А потом очень проникновенно исполнил «Русское поле».

Программа закончилась, начался выпуск новостей. Супруги молча глядели на экран. Неожиданно зачирикал мобильник, что в последнее время случалось нечасто. Сынаевы,

мешая друг другу, резво кинулись искать его. Они сталкивались, пытались найти злополучный аппарат, заглядывая на подоконники, полки. Константин Михайлович, кряхтя, заглянул под стол, всё было тщетно — телефон пропал.

— Замри и не мельтеши! — приказал супруг. И мобильник послушно замолчал.

— Ты что раскомандовался? — возмутилась супруга. — Чего ты добился?

— Да это я не ему, а тебе, чтобы ты не шумела, — оправдывался Константин Михайлович. — Дай подумать, уж больно тихий у него был звонок. — Задумчиво почесав колючий подбородок, он подошёл к дивану. Постоял, а потом провёл ладонью между подлокотником и сиденьем. Секунда — и он победоносно поднял руку с зажатым в ней стареньким мобильником. — Посмотри, кто там звонил, я куда-то очки подевал.

— Да они у тебя в другой руке, — смеялась супруга.

Выяснилось, что звонила Тася. Не успел Константин Михайлович набрать её номер, как телефон снова зачирикал. Он приложил трубку к уху:

— Да, смотрели, конечно, Тасюша. Какой Серёжка красавец! Как он хорошо спел и говорил! Мы с Лидой всплакнули.

Трубку перехватила Лидия Борисовна:

— Тася, мы с Костей завтра идём вязать маскировочные сети. Решили тоже помочь нашим ребятам.

Константин Михайлович не стал слушать женские разговоры. Он поспешил на кухню, достал из своего тайника бутылку пива и с удовольствием принялся неспешно смаковать запрещённый женой напиток.

Когда Лидия Борисовна появилась на кухне, муж, мурлыча что-то под нос, прилежно шипал лучину для растопки печи. Сынаевы жили на самой окраине городка. Когда-то военкомат предлагал им благоустроенное жильё в новом районе. Однако Лидия Борисовна решительно отказалась переезжать в бетонную пятиэтажку. В этом их домике родился и рос их Олежка. Здесь они прожили свои лучшие годы. Константин Михайлович любил печное тепло. Ему

нравилось заготовливать дрова, топить печки и лежанку. Был у них и свой колодец с очень чистой, приятной на вкус водой. Небольшой огород с двумя тепличками, клочок земли под картошку и зелень. Они любили летом покопаться в огороде.

— Тася говорит, что уже завтра пойдёт машина с готовыми сетями на Донбасс, — коротко взмахивая рукой с зажатым в ней телефоном, радостно заявила Лидия Борисовна. — Можно отправить и посылки для ребят. Тася будет отправлять Серёжке продукты и тёплое бельё. Я рассказала ей про твои фонарики, хочу ему отправить ещё что-нибудь, но Тася говорит, что вес уже не позволит. Но можно послать и просто без адреса. Все посылки принимают с благодарностью, и все они найдут своего получателя.

На другой день Сынаевы с утра отправились по магазинам. Константин Михайлович предусмотрительно прихватил с собой лёгкие саночки. Они закупили конфет, мясных консервов, сгущённого молока — это лакомство любил когда-то их Олежка. Константин Михайлович, подумав немного, купил блок сигарет и несколько зажигалок. Сам он уже давно бросил, но понимал, как курящему солдату плохо без курева. Подумав ещё немного, он незаметно для супруги взял и бутылку водки. Лидия Борисовна обнаружила бутылку, только когда они подошли к кассе.

— Ты чего это водку-то взял? — строго сведя свои всё ещё красивые чёрные брови, спросила она.

— Понимаешь, Лида, — заискивающе глядя ей в глаза, принялся пояснять Константин Михайлович, — это очень хорошая белорусская водка.

— Да хоть того лучше, в посылку её класть нельзя.

— Ну, раз нельзя, то пусть останется, — может, на Новый год пригодится.

— Новый год полтора месяца назад прошёл, долго тебе ждать придётся.

— Тогда, Лида, пусть останется на наш с тобой любимый праздник — Восьмое марта.

— Так вы будете брать водку или нет? — резко прервала спор супругов молодая, похожая на Чулпан Хаматову кассирша.

— Будем, — сверкнув глазами на мужа, обречённо вздохнула Лидия Борисовна.

Потом они шагали по зимней улице. День стоял морозный и солнечный. Бывают на севере такие чудесные дни, когда морозец заставляет двигаться быстрее, и на душе от этого делается радостно. Настроение у Лидии Борисовны само собой улучшилось: «Да ладно, бог с ней, с этой водкой. Пусть будет. Если Костя и выпьет малость, он от этого хуже не станет. Ведь не горький же он у меня пьяница. В молодые годы так и совсем не пил, спортом занимался. Это после того, как с Олежкой такая беда случилась, муж стал при случае заглядывать в бутылку».

Весело повизгивали полозья санок. Вкусно поскрипывал снежок под каблуками сапог. Константин Михайлович виновато поглядывал на супругу и будто не узнавал её. Щёки её зарумянились, глаза блестели совсем по-молодому. Казалось, она сбросила добрый десяток лет.

— Гляжу я на тебя, Костя, ты будто помолодел у меня сегодня, — неожиданно сказала она. — Ну чего ты смеёшься? Я серьёзно тебе говорю. Шагаешь, как молодой папаша, с саночками. Куда твоя одышка подевалась.

— Я смеюсь, Лида, от того, что сам хотел у тебя спросить про твою одышку.

Редкие прохожие с удивлением оборачивались на двух хохочущих пожилых людей, везущих на санках приличных размеров сумку.

Оказалось, что собирать и упаковывать посылку — дело не простое. Лидия Борисовна очень хотела отослать бойцам морошковое варенье.

— Пусть ребята полакомятся, — печально вздохнула она, глядя на две стеклянные банки. — Олежка очень его любил. Но Тася предупредила, что никакой стеклянной тары в посылке быть не должно.

Выручил муж: достал из шкафчика своё любимое лакомство — две пластиковые баночки со сладкой ореховой пастой и вытряхнул их содержимое в глубокую тарелку. Лидия Борисовна поняла мужа без слов. Быстро вымыв освободившуюся тару, наполнила её морошковым вареньем.

Однако, заполняя посылочную коробку, супруги поняли, что им не удастся уложить всё

купленное в одну упаковку. Озабоченно почесав подбородок, Константин Михайлович огорчённо вздохнул.

— Не переживай, Костя, я ведь на всякий случай купила две коробки.

— Молодчинка ты у меня, — улыбнулся муж.

Но тут оказалось, что во второй ёмкости остаётся ещё много свободного места. Что делать? Отправляться по морозу в магазин уже не хотелось. Немного подумав, Лидия Борисовна решительно шагнула к комнате сына. Здесь было всё, как при жизни Олега. В углу за кроватью, скорбно замерев, стояли две его хоккейные клюшки. Рядом с книжной полкой на стене висела притихшая гитара, напротив — большая фотография смеющихся Олега и Александра Маршала. Оба стоят с гитарами на сцене в актовом зале училища. Маршал приезжал с концертом по приглашению курсантов. Возле окна — письменный стол с сиротливо ссутулившейся настольной лампой. Лидия Борисовна открыла дверцу шкафа, сняла с полки сына красивый вязаный жилет. На сером фоне виднелась вывязанная белой пуховой ниткой надпись: «Сынок». Если смотреть со стороны, то кажется, будто это лёгкая изморозь легла на поверхность жилета. На самом деле эта надпись означала зашифрованные инициалы: Сынаев Олег Константинович. Константин Михайлович стоял рядом и молча наблюдал, как супруга аккуратно сложила жилет сына. Потом она достала с полки вязаные носки и перчатки. Олегу так и не довелось поносить эти вещи: он в тот трагический год должен был отправиться служить на Северный Урал, но его судьба распорядилась иначе. Теперь мать спокойно и уверенно укладывала эти памятные для них вещи в приготовленную картонную коробку. Потом старики, составив полное добрых слов и пожеланий письменное послание, наконец упаковали две аккуратные посылки.

Под вечер к ним забежала Тася, с ней в дом вошёл улыбающийся, слегка прихрамывающий мужчина.

— Дядь Костя, тётъ Лида, познакомьтесь, это Николай — водитель фуры. Он со своей женой Галиной возит гуманитарные грузы в Донбасс.

Николай одобрительно оглядел две открытые коробки.

— Стекла нет, и по весу нормально, — подытожил он, взвесив на широких ладонях обе посылки. — Ребята будут довольны. Спасибо вам!

Быстро и надёжно обмотав коробки скотчем, он пожал руку Константину Михайловичу.

— Да это вам спасибо. — Лидия Борисовна благодарно взглянула на Николая.

— Может, чайку? — спохватился Константин Михайлович.

— Нет, спасибо, Галя ждёт в кабине. Мы уже подкрепились, — и, подхватив обе коробки, Николай поспешил к двери.

— Уф! — перевела дух Тася. — Константин Михайлович, а вот я не откажусь от чая. Сегодня весь день на ногах.

— Чай — это хорошо, но ты ведь, наверное, и не обедала сегодня?

— Да уж какой там обед, дядя Костя, с документами да с отправкой машины сегодня мы с Галиной просто замотались.

— Вот и хорошо, у нас картошечка уже готова. Сейчас капустки да груздей солёненьких достану — и поужинаем вместе, — засуетилась хозяйка.

Вскоре на столе появилась нехитрая, но аппетитная еда. Рядом с блюдом дымящейся картошки разместились и тарелки с квашеной капустой, в которой янтарно светились аккуратные кружочки моркови. Масляно слезились крепкие, один к одному, груздочки.

— Думаю, сегодняшний день заслужил, чтобы мы его отметили, — начал Константин Михайлович, торжественно водрузив в центр стола купленную днём бутылку «Белорусской».

— Обойдётся, котик мой! — тут же встряла Лидия Борисовна, решительно ухватив бутылку и убирая её в сервант. — Ешь давай, родимый, пока картошечка не остыла.

Негромко позвякивая вилками, женщины с аппетитом приступили к трапезе, азартно похрустывая капусткой и с придыханием вкушая горячую картошечку. Лидия Борисовна незаметно подмигнула Тасе, кивнув в сторону супруга. Константин Михайлович сидел, глядя

прямо перед собой. Тася не выдержала и прыснула, давась смехом.

— Дядя Костя, ну что ты сидишь с таким лицом, как у мамонтёнка, потерявшего маму.

«Мамонтёнок» молчал, лишь чуть скосив глаза, взглянул на супругу.

— Костя, ешь давай, что ты в самом деле!

— Спасибо, я не голоден, — произнёс муж, продолжая всматриваться в одному ему видимую точку.

Тася поняла, что ей следует вмешаться и разрядить конфликтную ситуацию.

— Знаешь, тёть Лида, я, пожалуй, поддержу дядю Костю. День сегодня действительно непростой.

Обиженный Константин Михайлович насторожённо, но с долей любопытства, скосил взгляд на Тасю.

Лидия Борисовна вздохнула и, поднявшись, достала из серванта выстраданную бутылку. При этом она ухватила и две рюмки.

— Натё, пейте, несчастные алкаши.

Константин Михайлович, улыбаясь и обеими руками нервно пригладив волосы на затылке, осторожно, двумя пальцами взял бутылку за горлышко. Затем быстро свернул пробку и разлил по рюмкам водку.

— Тасенька, дорогой мой человек, — торжественно произнёс он, бросив уничижительный взгляд на фыркнувшую супругу. — Некоторые личности за этим столом не могут понять всей значимости сегодняшнего дня. Тася, ведь мы сегодня отправили нашим замечательным солдатам не просто печенки и конфетки. Мы подали им знак, что мы и вся страна поддерживаем их в нелёгком солдатском деле. Давай, Тася, дорогой мой человек, выпьем за это.

— Вот ведь, паршивец, как всё вывернул! — восхитилась Лидия Борисовна. — Подождите в таком случае и меня.

В очередной раз поднявшись, она достала из серванта рюмку для себя. Все дружно выпили. Застолье оживилось. Константин Михайлович, с видимым удовольствием отправив в рот чуть отдающий хвоей гриб, взглянул на Тасю.

— А почему они так поздно отправляются? С утра бы и поехали.

— Им, дядь Костя, сегодня ещё надо заехать в Никольское: туда ещё две машины из других районов подъедут, чтобы вместе отправиться. И потом, Коля говорит, что ночью ехать лучше, меньше машин на трассе.

— Понятно, давайте выпьем за их удачную поездку, — предложил он, наполняя рюмки.

Вскоре женщины покраснелись. Выпили за красавца Серёжку. Снова удивлялись тому, как он вырос, каким стал мужественным. Тася, смеясь, припомнила историю, когда её сын с классом ездил в Карелию. Там они познакомились с достопримечательностями края. Во время экскурсии к петроглифам — это такие древние рисунки на скалах, изображающие сцены из жизни людей каменного века, — экскурсовод заметил, что, к сожалению, теперь уже никогда не удастся узнать, кто был автором этих изображений. На что Серёжка возразил, мол, что тут непонятного, это рисовал какой-нибудь пацан из каменного века, у нас в подьезде тоже есть такие художники — рисуют и пишут на стенах, вот только почему-то никто не восхищается. Говорят, экскурсовод так смеялся, что даже очки уронил.

— Знаете, — улыбнулся Константин Михайлович, — а вдруг Серёжка, и сам того не зная, выдвинул новую версию. Ведь — кто там его ведаёт! — может, и вправду древний озорник размалевал стены коммунальной пещеры, пока взрослые были на промысле. Помню, мне мама рассказывала, что однажды, пока она готовила обед, я остался без её догляда. Было мне на тот момент три года. Я очень удачно выпотрошил её сумочку, обнаружив в ней губную помаду. Маму насторожила тишина в квартире. Когда она, поняв, что со мной что-то неладно, оставила свои дела и вбежала в комнату, я стоял у стены и помадой творил свои шедевры на недавно поклеенных обоях. Маме сделалось дурно. Вскоре пришёл на обед папа. На его вопрос, а где же папин Котик, мама молча указала на комнату, где непонятый художник, хлюпая мокрым носиком, отбывал наказание в углу.

— Что это такое? — строго спросила мама, указав на мой рисунок, напоминающий амёбу.

— Это альтия, — обиженно ответил я.

— А это что? — проявил интерес папа к другому рисунку, напоминающему солнце с пятью жирными лучами.

— Это мява... А это, — указал начинающий живописец на палочку с исходящими в разные стороны веточками, — папа.

Они потом долго смеялись, наверное, как тот экскурсовод. Самое интересное, что родители много раз пытались меня запутать. Однако я всегда чётко отвечал, что это — альтютя, это — мява, а это — папа. Родители смирились с моим всплеском творчества и сохранили эту мини-галерею. Они любили показывать её гостям. Потрясённые гости прочили мне большое будущее. Но, видимо, отбывание в углу убило во мне художника.

— Дядя Костя, — переждав приступ смеха, поинтересовалась Тася, — неужели ты всё это помнишь?

— Нет, конечно, сам процесс не сохранился в памяти, но свои творения смутно припоминаю.

— А что такое эта ваша альтютя?

— Да кто ж её знает! Наверное, какая-то детская блажь. Меня ведь мама долго звала Альтютей, если я радовал её. Но стоило мне как-либо накосячить, называла Мявой.

— Это точно, — улыбнулась Лидия Борисовна. — Покойная свекровь звала его так, даже когда мы уже поженились.

— А знаете, дядя Костя, я даже представляю ваше лицо, когда вы стояли в углу, — хохотала Тася. — Наверное, оно было таким же, когда тётя Лида убрала со стола бутылку.

— Может, ты и права, Тася, — смутился Константин Михайлович.

— Вы только не обижайтесь, — заметив его смущение, спохватилась Тася. — Знаете, вы так здорово рассказываете, что я прямо представляю вас в углу и даже ваши картины будто вижу.

— Да уж, рассказчик он замечательный, — вмешалась Лидия Борисовна. — Это ему все говорят. Мол, с виду вы человек неразговорчивый, даже сухой, а начнёте говорить — так можно заслушаться. А я и не удивляюсь, он же заядлый книголюб. Ведь он без книги и дня не может прожить, потому и сам может увлечь рассказами своими.

Константин Михайлович окончательно смутился и, чтобы скрыть это, предложил:

— Давайте-ка мы лучше споём, хорошие мои, какое же застолье без песни! — и затаил чуть хрипловатым баритоном: — Расцвела под окошком белоснежная вишня...

Женщины как по команде приосанились и дружно вполголоса подхватили:

— Из-за тучки далёкой показалась луна...

Голоса их всё уверенней набирали силу, и вот, наконец, песня зазвучала слаженно, а может, им только казалось это. Но для них уже ничего, кроме песни, не существовало, им было хорошо в этот вечер. Куда-то подевались усталость и напряжение такого светлого дня.

Прошло несколько дней. Для супругов Сынаевых жизнь обрела новый смысл: будто они всю жизнь ходили по одной улице, и вдруг оказалось, что рядом есть совсем другая, гораздо шире и светлее, нежели та, на которой они живут. Их увлекло плетение маскировочных сетей. Лидия Борисовна с радостью отметила, что её артритные пальцы позволяют совершенно свободно плести ячеистые полотна. А Константин Михайлович заинтересовался ещё и изготовлением специальных окопных свечей. Он оповестил всех соседей и знакомых, чтобы не выбрасывали пустые консервные банки. С помощью мясорубки он приловчился измельчать пищевой парафин, а в качестве фитиля использовал картон.

Короче говоря, супруги целыми днями были заняты делом. Но главное, они ощущали свою нужность. Нередко забывали принять таблетки, без которых ещё совсем недавно не могли обходиться, будто их болезни забыли о них, отошли в сторонку и с удивлением взирали на этих чудаковатых пенсионеров.

Как-то после обильного снегопада Константин Михайлович, по обыкновению мурлыча под нос нехитрую мелодию, расчищал от снега дорожки во дворе.

— Михалыч, подойди, пожалуйста! — неожиданно услышал он. Оглянулся — возле калитки, приветливо улыбаясь, стояла почтальонша, бывшая их соседка Мария.

— Иду. Что, Лидухин журнал пришёл? — спросил он, воткнув лопату в сугроб. — Рановато на этот раз.

Дело в том, что Лидия Михайловна обожала всевозможные цветы и декоративные растения. Летом их домик буквально утопал в цветах, вызывая восхищение у прохожих. Для этого Лидия Борисовна и выписывала небольшой журнальчик с уютным названием «Домик в саду». Там печатали полезные советы для дачников. И Константин Михайлович сам не раз находил в нём заметки об интересных технических новинках.

— Нет, Михалыч, сегодня я вам армейское письмо доставила.

Задумчиво разглядывая конверт с армейским штемпелем, Константин Михайлович вошёл в дом. В прихожей перед зеркалом стояла супруга в уже накинута пальто.

— Костя, я побегу до Таси, мы пойдём плести сети. Ты, пожалуйста, за печкой присмотри, не забудь заслонку прикрыть.

— Подожди, Лида, тут нам Мария письмо доставила. Поддай-ка мне очки, пожалуйста.

Не раздеваясь, они присели на диван.

— Здравствуйте, уважаемые Л. Б. и К. М. Сынаевы, — начал неуверенно читать вслух Константин Михайлович первую строку письма и растерянно поглядел на жену.

— Читай дальше, — торопила его Лидия Борисовна.

— Извините, не знаю ваших полных имён, поэтому отметил лишь инициалы. Пишет вам старший сержант Олонцев. Представляю, как вы удивитесь, получив это письмо. — Супруги недоумённо переглянулись.

— Дай-ка сюда, — Лидия Борисовна решительно выхватила листок из мужней руки. Быстро пробежав глазами уже прочитанное им, она продолжила вслух: — «...А всё дело в том, что, когда мы получили вашу посылку, встал вопрос, кому она достанется. Прапорщик Никитин решил этот вопрос очень быстро, сказав, что кому будут в самый раз жилет, носки и перчатки, того и будет вся посылка. Оказалось, вещи подошли мне. С этим все были согласны. Но прапорщик, взглянув на меня, вдруг принялся хохотать. Мы попросили его объяснить,

что тут смешного. Он показал пальцем на мою грудь, и тогда уже захохотали все наши ребята. Я понял, над чем все смеются, лишь когда снял жилет и разглядел надпись, вывязанную на нём. Я не знаю, как вам это удалось, но вы угадали не только с моим размером, но и с моим позывным. Ведь «Сынок» — это и есть мой позывной. Ребята дали его мне, узнав, что я воспитанник детдома. А когда мы разглядели такие же подписи на перчатках и носках, все сомнения отпали напрочь. Таким вот образом ваша посылка досталась мне. Спасибо за шоколадные батончики, овсяное печенье и стужёнку, я всё это обожаю. А поскольку я не курю, то обменял сигареты на другие сладости. Так что ещё раз вам огромное спасибо! Уважаемые Л. Б. и К. М., поскольку я не имею родственников, позвольте мне иногда писать вам. Понимаете, когда я был детдомовцем, очень завидовал одному мальчику. Он очень часто получал и сам писал письма своей маме. Она сидела в тюрьме и писала ему хорошие письма. А он отвечал ей. Однажды я спросил, зачем он ей пишет, она же воровка? Он, плача, бросился на меня с кулаками. Сам маленький, хлипкий, а кричал, что её оболгали, она самая лучшая мама в мире. Так потом и оказалось, через два года его маму оправдали. Она вскоре приехала и увезла его. Вот тогда мне и захотелось писать кому-нибудь письма и отвечать на них. Это очень здорово — сидеть над листом бумаги и, покусывая кончик ручки, обдумывать свои мысли, прежде чем изложить их на бумаге. Вот только писать мне было некому. Звонить вам с фронта непросто, а писать письма вполне возможно. Только, пожалуйста, напишите, как вас зовут, и если вы не против, то будем переписываться. Но только вы не подумайте, что всё это я затеваю ради посылок. На самом деле я вполне обхожусь без них. Когда нас отводят в тыл на отдых, то там обычно в магазинах есть всё необходимое. Но мне всегда хотелось писать и получать от кого-нибудь письма. А мой детский дом, где я воспитывался, находится неподалёку от вашего городка. Согласитесь, это тоже какое-то чудо. Как только у меня будет отпуск, хочу навестить его. И если будет время, хотел бы увидеть вас и отблагодарить

за вашу удивительную заботу обо мне. Служба у меня проходит нормально. Вот, пожалуй, и всё. Если наша переписка продолжится, буду писать подробнее. Всего вам хорошего, старший сержант Михаил Олонцев».

Они уже давно закончили читать это письмо, но продолжали молча сидеть на диване. Сидели, забыв снять верхнюю одежду. По щекам Лидии Борисовны текли слёзы. Несколько капель упали на солдатское письмо.

— Дай сюда, — неожиданно осипшим голосом сказал Константин Михайлович. — Чего зря бумагу-то мочить.

— Костя, а почему он Сынок, если его зовут Михаил, что это за прозвище?

— Почему—почему! Так на войне принято. Ты представляешь, сколько там Михайлов? Позовёшь одного, а откликнутся десять. Не будешь ведь их ещё и по фамилиям вызывать. А так «Сынок» — коротко и понятно сразу.

— Слушай, Костя, — кашлянув, прочищая горло, сказала супруга. — Давно пора у Олежки в комнате ремонт сделать. Ты как думаешь?

— Думаю, пора, — Константин Михайлович достал из кармана большой платок и шумно прочистил нос. — Обязательно нужен ремонт. А то выдумал Сынок, в смысле Миша,

в отпуск в детдом ехать. Будто у нас ему места нет.

Супруги разом поднялись. Скинув верхнюю одежду на диван, не сговариваясь, присели к столу и принялись за ответное письмо.

Леонид Борисович АВКСЕНТЬЕВ

родился в 1951 году в Карелии. Автор трёх поэтических книг и пяти сборников прозы. Лауреат международного конкурса «Филантроп» (2004), победитель международного конкурса «Новеллы Баренц-региона» (2008), ряда всероссийских поэтических конкурсов среди незрячих поэтов, а также литературного конкурса, посвящённого юбилею города Олонца (2014). Лауреат премии «Сампо» (2017). Некоторые произведения переведены на финский, шведский, норвежский и карельский языки. Заслуженный работник культуры Республики Карелия. Член Союза писателей России. Живёт в Петрозаводске.

